

ФГБОУ ВПО «Санкт–Петербургский государственный университет»

На правах рукописи

Бреслер Дмитрий Михайлович

**ПРОЗА К. К. ВАГИНОВА: ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА 1920–1930–Х ГОДОВ**

Специальность 10.01.01 — Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт–Петербург
2015

Диссертация выполнена на кафедре истории русской литературы филологического факультета ФГБОУ ВПО «Санкт–Петербургский государственный университет»

Научный руководитель: Сухих Игорь Николаевич
доктор филологических наук, профессор
(ФГБОУ ВПО «Санкт–Петербургский государственный университет»)

Официальные оппоненты: Кобринский Александр Аркадьевич
доктор филологических наук, профессор
(ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»)

Семкин Алексей Данилович
кандидат искусствоведческих наук, старший научный сотрудник, доцент
(Государственный литературный музей «XX век»; ФГБОУ ВПО «Санкт–Петербургская государственная академия театрального искусства»)

Ведущая организация: НИУ «Высшая школа экономики»

Защита состоится «___» _____ 2015 года в «___» часов на заседании диссертационного совета Д 212.232.26 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт–Петербургском государственном университете по адресу: 199034, г. Санкт–Петербург, Университетская наб., д. 11, филологический факультет, ауд. ____.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. А. М. Горького Санкт–Петербургского государственного университета по адресу: 199034, г. Санкт–Петербург, Университетская наб., д. 7/9.

Автореферат разослан «___» _____ 2015 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
д. филол. н.

С. Д. Титаренко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

«Нет шедевров, погибших в забвении» — но существует множество литературных фактов, которые требуют аналитического вмешательства, нового взгляда, проясняющего особенности их поэтической системы.

Романы К. К. Вагинова (1899–1934) традиционно относят ко «второй прозе», к художественным текстам, которые были незаслуженно забыты по политическим и идеологическим обстоятельствам советского времени. Их возвращение — публикация, филологическое исследование — позволяет не только вернуться к проблеме литературной репутации, но и в более сложном виде представить культурное поле 1920–1930-х годов.

Образ Вагинова, созданный его первыми серьезными истолкователями (Т. Л. Никольская, Л. Н. Чертков, А. Г. Герасимова, Э. Энимон), можно назвать ангажированным, призванным отстаивать символические позиции неофициальной культуры в противостоянии литературному официозу.

Кроме того, исследователей (равно как и современников) в первую очередь интересовала поэзия Вагинова. Его прозаическое творчество часто представлялось факультативным, а желание писать прозу — навязанным внешними факторами. Скажем, Э. Энимон объяснял причины написания романов издательской заинтересованностью в полумемуарной, полусатирической прозе о творческой интеллигенции, не принадлежавшей к рабочему классу.¹

Тезис американского слависта требует уточнения, он не учитывает внутренних творческих интенций Вагинова писать романы. Между тем, переход от лирики к прозе происходит в поздний период творчества писателя, в тот момент, когда возникает необходимость в литературной социализации согласно требованиям советской культурной парадигмы 1920–1930-х годов. Выход отдельного издания КП² сопровождался коренными изменениями литературного быта.³ В дальнейшем условия писательского существования лишь усложнялись: помимо творческой деятельности требовалось быть социально (нелитературно) активным.

Однако Вагинов не оставил литературные занятия, а наоборот, продолжал писать прозу, оригинальность поэтики которой как раз и обусловлена художественной рефлексией над современностью. На споры о литературном быте и новой социализации Вагинов ответил переходом от лирики к прозе.

¹ *Anemone A.* Konstantin Vaginov and the Leningrad Avant-garde: 1921–1934. P. 218–223. Впрочем, исследователь отмечает также и литературные факторы, повлиявшие на становление Вагинова–прозаика (участие в семинаре Бахтина, членство в ОБЭРИУ).

² В данной работе нами принята следующая система сокращений: КП — роман «Козлиная песнь» (1928); ТДС — роман «Труды и дни Свистонова» (1929). Здесь и далее все упоминания этих произведений даны в сокращенном варианте.

³ *Гуськов Н. А.* Материалы для составления хроники культурной жизни Ленинграда на рубеже 1920-х и 1930-х гг. // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам: Материалы проекта. <http://www.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=LcbyDIUEeWk%3d&tabid=10460>. [Электронная публикация].

Описание творчества Вагинова чаще всего сводится к сравнительным характеристикам. Действительно, культурные и художественные контакты Вагинова в 1920–1930-е годы были многочисленны и разнообразны, круг чтения весьма нетривиален, что обуславливает необходимость исследования литературных связей. Исследователи проводят параллели между творчеством Вагинова и Н. С. Гумилева, А. А. Ахматовой, О. Э. Мандельштама, А. А. Блока, А. Белого, А. А. Введенского, Д. Хармса, В. А. Каверина, Б. Л. Пастернака, Б. Ю. Поплавского, В. В. Набокова, С. Д. Кржижановского, Ш. Бодлера и др. Однако контекст прозы Вагинова составляют не только художественные произведения, но и критические исследования, металитературные тексты. Поэтому круг сопоставлений расширяется за счет имен В. Бенямина, Вяч. И. Иванова, Ю. Н. Тынянова, и (чаще всего) М. М. Бахтина.

Д. М. Сегал одним из первых концептуализировал романы Вагинова в качестве метахудожественной⁴ прозы.⁵ К подобному определению склоняются и другие исследователи (Д. Шеперд, Ч. Бонет, О. В. Шиндина). КП и ТДС рассматриваются Сегалом в ряду других метафизических текстов (среди которых стихотворный сборник М. А. Кузмина «Форель разбивает лед», «Поэма без героя» А. А. Ахматовой, повесть О. Э. Мандельштама «Египетская марка», роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и др.), в которых посредством специфической темы (текст о тексте) или же усложненной структуры (текст в тексте) моделируются новые отношения с реальностью, выдвигается на первый план знаковая составляющая текста.

Сегал отмечает значимость *ситуации* культурной коммуникации для анализируемых художественных произведений. На языке своей эпохи об этом одним из первых сказал Б. М. Эйхенбаум: «<в>опрос о том, “как писать”, сменился или, по крайней мере, осложнился другим — “как быть писателем”».⁶ Следовательно, коммуникативная структура романов Вагинова осложняется прагматически — в ней эксплицируется изначальная обращенность текста к читателю. Прагматическое значение художественного высказывания может быть выражено и регистрацией дискурсивных следов внутри текста, и наложением на проблематику текста условий его создания и существования в литературно-бытовом пространстве.

⁴ Термин метахудожественность (метафизическая) был введен в научный оборот Патрисией Во: «Метафизическая — это термин, определяющий такую художественную литературу, которая осознано (self-consciously) и систематично привлекает внимание к своему статусу искусственно сделанной вещи (artefact), проблематизируя тем самым отношения между реальностью и фикциональностью». (Vaugh P. Metafiction: the theory and practice of self-conscious fiction. London, New-York, 1984. P. 5). Метафизическая может быть соотнесена с ситуацией «обножения приема», описанной формальной школой в эпоху Вагинова.

⁵ Сегал Д. М. Литература как вторичная моделирующая система // Slavica Hierosolymitana. 1979. Vol. IV. Pp.1–35.; Сегал Д. М. Литература как охранная грамота // Slavica Hierosolymitana. 1981. Vol. V –VI. Pp. 151–244. В нашей работе мы ссылаемся на переиздание этих статей, которые, впрочем, перепечатываются без изменений: Сегал Д. М. Литература как охранная грамота. М., 2006. 976 с.

⁶ Эйхенбаум Б. М. О литературе: Работы разных лет. М., 1987. С. 430.

Подводя предварительные итоги краткого историографического обзора, можно утверждать следующее: Вагинов–прозаик ориентируется не только на литературный (художественный) дискурс; одним из «ключей» к интерпретации его прозы является эксплицитная метахудожественная рефлексия, опирающаяся на литературный быт 1920–1930–х годов.

Объектом нашего диссертационного исследования являются источники, по–новому раскрывающие писательскую деятельность Вагинова в 1927–1934 годах. В первую очередь, это авторский экземпляр ТДС и записная книжка «Семечки». Изучение данных источников, проясняющих темные места вагиновской биографии обозначенного периода, позволяет поставить **цель**: дать целостное описание всех романов Вагинова с точки зрения эволюции авторских поэтических принципов, выражающихся посредством репрезентации прагматических признаков романов.

По мнению многих исследователей (О. В. Шиндина, Д. Л. Шукуров) прозаическое творчество Вагинова целостно, представляет собой своеобразный метароман, который организуют сквозные темы и мотивы, «блуждающие» персонажи, сходный хронотоп. Поэтому важной задачей становится выявление как авторской прагматической установки в каждом романе, так и интегрирующей точки зрения, организующей вагиновское «четверокнижие» как целое.

Предлагаемое в данной работе описание прагматических свойств романного творчества Вагинова не только позволяет переосмыслить поэтические особенности конкретных текстов, но иначе представить проблему изучения советского литературного процесса 1920–х — 1930–х годов, чем и обуславливается **актуальность** исследования.

Для осуществления поставленной цели нам потребовалось решить следующие **задачи**:

- ввести в научный оборот новонайденный источник текста ТДС — авторский экземпляр первого издания романа;
- осуществить текстологический анализ всех имеющихся источников текста крупной прозы Вагинова с учетом тех, которые до настоящего времени не были изучены специально;
- сформулировать особенности и основные этапы творческой истории прозаических произведений Вагинова;
- описать записную книжку «Семечки» в контекстах творческой биографии Вагинова и литературного процесса начала 1930–х годов;
- соотнести общественную деятельность Вагинова в начале 1930–х годов с его литературной практикой;
- определить специфику дискурсивного влияния на художественную структуру прозы Вагинова в конце 1920–х и в начале 1930–х годов;
- определить функцию прагматических элементов в структуре метафикциональных текстов Вагинова.

Поставленные задачи не могут быть осуществлены в рамках одной существующей теоретико–литературной концепции — **методология** данного исследования вынуждено представляет собой некоторый комплекс подходов.

Так, во многом прикладные источниковедческие исследования используются нами в качестве эмпирического основания для описания поэтики художественного текста. Результаты текстологической работы, выполненной с учетом методологических установок школы Н. К. Пиксанова и Французской генетической школы, описываются в рамках структурного анализа текста (Ю. М. Лотман, Ж. Женетт).

Биографические разыскания рассматриваются нами в качестве фактов литературного быта (Б. М. Эйхенбаум, Л. Я. Гинзбург, П. Бурдые) и прагматически обуславливают поэтику выбранного материала.

Важнейшим теоретическим основанием исследования стали теоретико–литературные, лингвистические и литературно–философские работы М. М. Бахтина и группы ученых, входивших в состав его домашнего семинара в Ленинграде.

Так как в основе данного исследования — изучение прагматических свойств коммуникативной структуры прозаического текста, часть терминологического аппарата заимствуется из отрасли прагмалингвистики, а именно, теории речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль). Однако общеупотребительные в современной науке термины каждый раз обуславливаются исторически, как называющие те процессы коммуникации, которые были концептуализированы еще в 1920–1930–х годах, но не получили специального описания в работах М. М. Бахтина и ученых его круга (П. Н. Медведев, В. В. Волошинов), а также других исследователей 1930–х годов (Г. О. Винокура, Е. Д. Поливанова).

В анализе прагматических аспектов художественного текста мы опираемся на опыт работ В. В. Фещенко, Ю. С. Степанова, Дж. Хиллиса Миллера и др.

Концептуальный взгляд на литературный процесс 1920–х — 1930–х был сформирован под влиянием работ И. П. Смирнова, В. В. Фещенко, С. А. Савицкого, Д. Шеперда, Д. М. Сегала, Е. Добренко, М. О. Чудаковой и др.

Материалом данной работы является все прозаическое творчество Вагинова (КП, ТДС, «Бамбочада», «Гарпагониана»), за исключением ранних рассказов («Монастырь господ нашего Аполлона», «Звезда Вифлиема»). В исследование впервые включены «пограничные» тексты («Семечки», «Четыре поколения: Нарвская застава»), без которых понимание вагиновского творчества оказывается неполным.

В диссертации исследуются все известные к настоящему времени авторские варианты романов: журнальный вариант КП, текст отдельного издания КП, авторский экземпляр КП; журнальный вариант ТДС, текст отдельного издания ТДС, "сорокинский" экземпляр ТДС, авторский экземпляр ТДС, текст отдельного издания романа «Бамбочада», первая и вторая редакции романа «Гарпагониана».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Характер метафикциональной прозы Вагинова во многом обусловлен литературными и общекультурными процессами конца 1920–х — начала 1930–х годов (период становления советского общества).

2. В романах Вагинова эстетизируется литературно–бытовая ситуация, связанная и с процессом публикации художественного произведения, и с перипетиями биографии самого автора. Кроме того, в романах специфицируется язык литературы в ряду прочих дискурсов.

3. В поисках способа реалистического (миметического) повествования, отвечающего запросам времени, Вагинов экспериментирует с романной формой. Наиболее оригинальным экспериментом стоит признать одновременную публикацию ТДС в двух вариантах. Тавтологичное повторение нарративных структур, организующих одно и то же событие в плане содержания, позволяет акцентировать читательское внимание на самой ситуации выбора того или иного варианта публикации.

4. В середине 1929 года КП и ТДС подвергаются значительной правке, в процессе чего оба текста наделяются дополнительным к содержанию прагматическим значением. Фигура редактора становится частью коммуникативной структуры текста, замещая одновременно авторскую и читательскую позиции.

5. Сюжетная и повествовательная фрагментарность прозы Вагинова во многом обусловлена характером творческой редактурой произведений.

6. Коллажная композиция и интердискурсивная повествовательная риторика повести «Бамбочада» являются следствиями творческих экспериментов с КП и ТДС.

7. Участие писателя в литературных и педагогических официальных проектах 1930–х годов обусловлено не только экономическими и социальными причинами. Новые формы литературно–бытового поведения определяют развитие метафикционального романа Вагинова.

8. В 1932 году Вагинов осваивает жанр записной книжки писателя (теоретически осмысленный Л. Я. Гинзбург). Непрепарированная уличная речь, которая заполняет листы тетради «Семечки» становится материалом для новой реалистической романной поэтики и продолжает традицию языковых экспериментов русского авангарда 1910–х годов.

9. Включенные во вторую редакцию «Гарпагонианы» фрагменты из записной книжки встраиваются в повествовательную модель романа как «чужая» речь, свободная от диалогической авторской реплики.

Теоретическая значимость. Принципы анализа прозаического творчества Вагинова могут быть использованы при изучении литературы советского периода, а также при определении способов взаимодействия художественных произведений с литературой нон–фикшн, литературным бытом.

Практическая значимость. Результаты данного исследования можно использовать в основном курсе «История русской литературы XX века», а также в специальных курсах, посвященных проблемам развития русской прозы XX века и творчеству К. К. Вагинова. Кроме того, текстологические и источниковедческие данные диссертации могут послужить основой для переиздания прозы Вагинова и первого издания записной книжки «Семечки».

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации излагались в докладах на научных конференциях: Международная конференция молодых исследователей «Современные методы исследования в гуманитарных науках» (Санкт–Петербург, ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), 2011, 2012), Международная летняя школа по русской литературе (Санкт–Петербург, 2011, 2012, 2013, 2014), XLI и XLII Международная филологическая конференция (Санкт–Петербург, СПбГУ, 2012, 2013), Международная конференция молодых филологов в Тарту (Тарту, Эстония 2013), Международная конференция молодых исследователей «Текстология и историко–литературный процесс» (Москва, МГУ, 2013), Отчетная конференция Студенческого научного общества кафедры истории русской литературы и семинара «Прагматика художественного дискурса» (Санкт–Петербург, СПбГУ, 2014). По теме работы опубликовано 11 статей.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, библиографии и двух приложений. Объем исследования составляет 251 стр. печатного текста (11 п. л.).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, характеризуется степень изученности проблемы, формулируются цели и задачи работы, а также основные положения диссертации, аргументируется выбор методов анализа текста.

В первой главе диссертации **«Прагматика прозы Вагинова 1920–х: от публичного заявления до внутренней речи»** прослеживается эволюция поэтических принципов, нашедших отражение в первых трех романах Вагинова.

В середине 1929 года Вагинов практически одновременно работает над текстом КП и ТДС. Т. Л. Никольская и В. И. Эрль, составители «Полного собрания сочинений в прозе»,⁷ публикуют романы, тексты которых датируются 1929 годом. Источник текста КП — авторский экземпляр отдельного издания 1928 года с многочисленными правками, сделанными в 1929 году. Источник текста ТДС — так называемый сорокинский экземпляр — том отдельного издания 1929 года, подаренный его редактору Г. Э. Сорокину и содержащий авторские пометы и исправления.

Мы далеки от принципиальной критики дефинитивных текстов КП и ТДС, однако нам важно рассмотреть все источники романов. В начале мая почти одновременно публикуются журнальная версия ТДС и отдельное его издание; далее Вагинов редактирует только что вышедший текст в авторском экземпляре ТДС, 22 мая он дарит книгу Сорокину с исправлениями в тексте;

⁷ Вагинов К. К. Полное собрание сочинений в прозе / Сост. А. И. Вагиновой, Т. Л. Никольской, В. И. Эрля; Подгот. текста В. И. Эрля; Вступ. ст. Т. Л. Никольской; Примеч. Т. Л. Никольской, В. И. Эрля. СПб.: Академический проект, 1999. 590 с.

5 июня Вагинов соглашается на предложение К. Федина переиздать КП и, видимо, форсирует процесс редактирования романа на страницах авторского экземпляра. Творческие открытия периода редакторской работы 1929 года найдут отражение в следующем прозаическом тексте — «Бамбочаде».

В первом разделе первой главы **Повесть и роман «Труды и дни Свистонова»: эстетизация процесса публикации художественного текста** рассматривается случай одновременной публикации текста ТДС в двух разных редакциях.

Продолжая модернистскую традицию рубежа веков, литература 1920–х наследует интерес к изображению истинной («высшей» или «настоящей») реальности. По мнению Н. Ю. Грякаловой, такая задача могла осуществляться двумя взаимообусловленными типами письма — натуралистическим и символистским.⁸ Особенность прозы, наследующей «экспериментальному» роману, заключается в стремлении к документализму образов при сохранении их зависимости от символистского дискурса (сохраняется принадлежность образов к нескольким художественным реальностям).

Генетика жанра обуславливала специфические черты поэтики прозаических текстов. Литература позднего авангарда (к которой Вагинов, без сомнения относится) наделена, по мнению И. П. Смирнова, следующими структурными особенностями: событие линейного повествования (Ю. М. Лотман) замещается парадигматическим расположением эпизодов, острающих фикциональные качества друг друга.⁹ Происходит «обнажение приема» самого художественного повествования.

Одновременное появление двух вариантов романа Вагинова, возможно — попытка выйти за пределы литературы *готовых форм* (как литературных, так и нелитературных клише «реальной действительности»), включение в поле зрения художника истинно «реального» (сырого, документального) материала самого литературного производства, коннотирующего сделанность текста, его погруженность в литературный быт. Таким интермедийным способом решалась проблема парадигматического повествования, поставленная авангардом в конце 1920–х годов.

Авангардный прием Вагинова типологичен стратегии житнетворчества, в рамках которой литературный быт писателя и собственно его художественные тексты должны быть тождественно интерпретированы.

Однако авторскому замыслу не суждено было реализоваться. Выпущенный тираж отдельной книги почти целиком был уничтожен по так называемому «замятинскому делу». Читатель просто не имел возможности двойного прочтения. Вагинов решается на очередную серию правок, на этот раз параллельно редактируя уже два текста (КП и ТДС), с одной стороны, подстраиваясь под линейный синтаксис прозы, реализуя первоначальный метаповествовательный замысел более привычными для романного жанра

⁸ См.: Грякалова Н. Ю. Человек модерна: Биография — рефлексия — письмо. СПб., 2008. С. 24.

⁹ См. об этом: Деринг–Смирнова И. Р., Смирнов И. П. Исторический авангард с точки зрения эволюции художественных систем // Russian Literature VIII., 1980. С 403–468.

средствами, с другой — обнаруживая дополнительные художественные ресурсы в самом процессе редактуры.

Во втором разделе **Прагматика генетического досье романов Вагинова 1929 года** разбирается период творческой истории КП и ТДС, основным источником которого являются авторские экземпляры опубликованных романов. Внимательное сличение вариантов позволяет проследить трансформации текстов.

Вагинов не изменяет сюжет романов, он правит уже формально существующие художественные тексты, работает с целостной их структурой. Собственный, уже набранный в издательстве текст становится необходимым контекстом для более сложного художественного высказывания.

Исправления, внесенные в авторский экземпляр КП, призваны не только уточнить и, может быть, классифицировать художественное бытование героя, сообщить конкретному состоянию конкретное имя/ образ конкретного персонажа. Само по себе динамическое развитие образов, которому в ходе работы над текстом уделяется все большее внимание, обратно пропорционально присутствию образа автора, повествовательная роль которого ослабевает. Здесь художественный вымысел с помощью только внутренних креативных возможностей способен генерировать дополнительные фикциональные миры. Несмотря на то, что все сюжетные события связаны с мотивами гибели культуры и развенчанием образа художника, механика изменения текста свидетельствует об обратном: вера в защитную способность творчества не подвергается сомнению.

Прагматическое значение, приносимое в КП в процессе чтения авторского экземпляра, обусловлено центростремительными свойствами художественного мира, тогда как в механике редактуры текста ТДС заложено нечто обратное — Вагинов описывает возможное существование романного действия в реальности.

Во-первых, Вагинов размыкает кольцевую композицию романа, последняя глава которого формально своим заглавием повторяла первую. Глава «Тишина», находящаяся в самом конце книги, была разбита Вагиновым на несколько отдельных главок: «Звездочка и Свистонов» и «Приведение рукописи в порядок». Этим достигается формальное выражение произошедшего романного события: Свистонов задумал, начал и написал свой роман, который, появившись, как черная дыра поглотил весь реальный мир: из «реальности» романа Вагинова о писателе Свистонове, все герои, включая и главного, переходят в роман «о современности». В первоначальном варианте текста благодаря композиционному членению такое событие отсутствовало: возникший из «тишины» замысел произведения лишен кульминации — текст возвращается в «тишину». В пределах первого издания ТДС создавалась иллюзия непрерывности писательской деятельности, незримо присутствующей и самовозобновляющейся. В новом варианте романа, посредством вносимых изменений Вагиновым предполагается эффект экстраполяции внутренней романной коммуникации в условиях актуального бытового мира.

В кульминационный момент сюжета (Свистонов «покушается» на Ивана Ивановича Куку, превращая его в картонный литературно предсказуемый образ Кукуреку), Вагинов вклеивает «петиты», формально выделенные сноски к основному тексту, в которых помещает авторскую характеристику деятельности своего героя, суждения о персонаже, содержательно выходящие за границу художественного целого романа. Это — оценка персонажа одновременно с актуальной точки зрения (читательское представление) и с точки зрения абстрактного автора,демиурга, которому доступны самые потаенные мысли и переживания своего героя.

Линеарная модель авторского высказывания осложняется самой техникой ее экстраполяции: важно, что «петиты», параллельные основному тексту, следуют за ним. Метаповествовательная конструкция встраивается в текст уже после оформления целого романа. Только учитывая прагматическое значение рукописной вставки, мы способны объяснить появление читательских комментариев внутри текста (кто еще, если не читатель, оставляет пометы на полях по ходу чтения?). Автор (Вагинов) пишет текст, затем садится за его переработку и оставляет, по ходу чтения собственного романа, своего рода, читательские пометы, в которых одновременно, проявляется и его креативная воля. Структурно необходимая нарратологическая позиция имплицитного читателя замещается прагматически выраженной реальной личностью. Таким образом, права над текстом принадлежат одновременно и «автору», и «читателю», которые предстают в данном случае одним субъектом. Пространство, создаваемое художественным текстом, осложняется прагматическим соответствием технике его создания. Хронотоп романа разрывается пространственным размещением текста и фрагментируется временем его исполнения. Петит не только паратекстуально выделяет вынесенный в сноску фрагмент, но и позволяет определить зависимость повествовательного времени в его соответствии с реальным временным периодом, который протекает с момента публикации текста, до момента его дополнения.

Таким образом, публичный эффект одновременного поступления на прилавки магазинов и повести, и романа ТДС получает своеобразное развитие. Попытка включения в роман внешней реальности сменяется приобщением к художественному нарративу личного мира автора.

Другое следствие редактуры романов разбирается в третьем разделе первой главы **Поэтика дефинитивного текста: нежелание или неспособность поставить точку в конце романа.**

До сих пор считалось, что, по крайней мере, в случае КП, послепечатная редактура текста вызвана гипотетической возможностью переиздания романа. Исходя из новых архивных и источниковедческих данных, по нашему мнению, следует заключить, что возможность переиздать роман, образовавшийся в «Издательстве писателей...» не спровоцировала появление авторского экземпляра КП, равно как она не может свидетельствовать в пользу окончательного характера произведенной работы над текстом. Статус «второй редакции» данного источника должен быть

подвержен сомнению и восприниматься как условное обозначение этапа переработки текста.

В немалой степени данный тезис подтверждается анализом авторского экземпляра ТДС, безусловно, типологичного соответствующему источнику текста КП. В данной диссертации авторский экземпляр ТДС впервые вводится в научный оборот.

В авторских экземплярах КП и ТДС присутствуют вставки, появление которых не обусловлено сюжетной или композиционной необходимостью. Например, это — главка «Опытная мобилизация» в КП и вставленные в редактируемый том ТДС листки, содержание которых суть описание сложностей современного Вагинову литературного быта, унижительного положения писателя в конце 1920–х годов. Данное сравнение возможно, очевидная разница в степени готовности правок (выбеленный текст, вклеенный на отдельном листе и несогласованная фраза) не должна смущать — она во многом нивелируется разницей проблематики романов. В ТДС Вагинова интересует сам процесс написания текста, практика взаимоотношения автора и его героя, которая и становится основной темой и главным сюжетным двигателем романа. Равно как опасения за сохранность культурных ценностей во враждебной высокой эстетике ситуации контрапунктом следуют за повествованием КП, что также поддерживается содержанием вклеенной главки.

Вкрапление в текст небольших, часто несвязных между собой описательных картин, сюжетных зарисовок в КП и ТДС следует считать предвестником фрагментарной («коллажной») структуры повествования в прозе Вагинова 1930–х годов.

В четвертом разделе первой главы **Интердискурсивный характер прозы (Бамбочада)** анализируется третье крупное прозаическое произведение Вагинова, где автор стремится воссоздать фрагментарный, дифференцированный романный дискурс, который ранее возникал в условиях хаотичного процесса редактирования.

В «Бамбочаде» с помощью своеобразного каталога словесных зарисовок, прерванных бесед, рассказанных без повода комичных случаев, создается драматическая история жизни главного героя, Евгения Фелинфлеина, его психологический портрет «разорванной» личности. Текст романа нарочито не разделен на главы. Главный образ раскрывается с помощью многослойных, дискурсивных и стилистических интерференций. Это — отрывки из дореволюционных дневников; сноски с биографией одного из героев романа, с обширным рекламным текстом, написанным тем же персонажем; цитаты из кулинарных книг; преysкуранты цен в столовой; надписи на стене.

Выраженное различными коммуникативными способами повествование о Фелинфлеине — интердискурсивное перемещение истории о ночных заседаниях «Общества собирания мелочей» — в рамках творчества Вагинова восходит к попыткам поместить в художественный мир бытовое пространство (о чем шла речь в предыдущих разделах настоящей работы).

Коллажное полотно «Бамбочады» — условная реализация культурного проекта эстетизации быта, воспринятая Вагиновым и описанная им в романе посредством уже только нагромождения разнородной стилистики.

Во второй главе **«Проза К. К. Вагинова 1930–х годов: поэтика и литературный быт»** анализируется только один художественный текст Вагинова — роман «Гарпагониана». Однако для того, чтобы определить особенность его поэтики в ряду прозаического творчества писателя и в рамках литературного процесса начала 1930–х годов нами исследуется литературно–бытовая активность Вагинова: его участие в коллективных писательских проектах и ведение им записной книжки «Семечки».

В первом разделе второй главы **«Константин Вагинов в диалоге с пролетариатом (литкружок завода "Светлана" и работа над историей Нарвской заставы)»**¹⁰ рассматривается литературно–общественная деятельность Вагинова. В начале 1930–х он начинает вести литературные занятия с ленинградскими рабочими на заводе «Светлана», а затем принимает участие в создании книги об истории рабочего движения за Нарвской заставой «Четыре поколения: (Нарвская застава)» (Л., 1933).¹¹

В те годы в общественном сознании писатель всё менее соотносится с представителем творческой элиты, сформированной общностью эстетических взглядов и художественной идеологии, не зависимых от политической модели управления культурным процессом. Писательский труд, как и любая другая культурная деятельность, постепенно становится одним из структурных элементов централизованно регулируемой общественной жизни и служит художественному отражению целей, задач и достижений власти. На деле данная социальная трансформация означала снижение «сакрального» авторитета писательского слова. Заниматься литературой мог научиться любой гражданин: например, в качестве полной реализации общественно значимого действия, совершаемого на производстве, инженеру было недостаточно ввести в эксплуатацию новое оборудование или апробировать уникальную технологию — необходимо было символически закрепить данное событие на бумаге, дать статью в соответствующее издание, где частный факт будет возведен в систему атрибутов нового успешного общества. Ударники производства были призваны в литературу. Профессиональные литераторы должны были обучать писателей новой формации и, одновременно, учиться документальному письму рабкоров.

Мы рассматриваем общественную нагрузку в обход обязательной оппозиции «человек–власть». Прагматика художественной деятельности

¹⁰ Источниковедческая и историческая часть данной главы написана с опорой на нашу публикацию, выполненную совместно с блестящим редактором, источниковедом, обладателем богатой коллекции книг, черновиков, личных вещей Вагинова А. Л. Дмитренко, которому диссертант, пользуясь случаем, выражает глубокую признательность за плодотворный совместный труд

¹¹ Четыре поколения: Нарвская застава / Орг. кн. С. Д. Спасский; сбор материала, ред., композиция С. Д. Спасский, А. Г. Ульяновский; в сборе материала принимали участие: К. К. Вагинов, Н. К. Чуковский. Л.: Изд–во писателей в Ленинграде, 1933. 558 с.

связана с реализацией личной тактической схемы «как быть писателем» в литературно бытовых условиях, с проявлением дискурсивных (идеологических) особенностей в художественных текстах — продуктах деятельности писателя.

Параграф 1.1. **Литкружок на заводе «Светлана»** посвящен историческому обзору деятельности литкружка, который вели Вагинов и Н. К. Чуковский. Основными источниками послужили воспоминания Чуковского и одного из учеников А. А. Капралова, а также материалы заводской газеты.

27 ноября 1930 года следует считать датой начала работы литкружка под руководством Вагинова и Чуковского. Хотя фамилии руководителей кружка ни разу не упоминаются на страницах «Светланы», деятельность самого литобъединения освещена довольно подробно. Занятия проходили регулярно, четыре раза в месяц. Уже в № 1 (129) за 8 января 1931 года газеты «Светлана» целый разворот отдан для «Литературной страницы № 1», где публикуется несколько сочинений участников семинара. Главным печатным итогом работы Вагинова и Чуковского стала публикация двух книг в «Издательстве писателей в Ленинграде», о которых речь идет в следующем параграфе.

Параграф 1.2. **«Первое путешествие» и «Светлановская повесть»** посвящен публикациям Л. Ивановой и Ал. Орлова, текст которых редактировали Вагинов и Чуковский.

Как бригадир–ударница Лидия Иванова в 1930 году была премирована поездкой вокруг Европы на теплоходе «Абхазия». Именно этой поездке посвящена ее книга. В 1930–е годы две рабочие делегации совершили путешествие на почтово–пассажирских теплоходах «Абхазия» (10 ноября — 7 декабря 1930 года) и «Украина» (лето 1931 года). Теплоходы одной серии, незадолго до этого отстроенные на Балтийских верфях, таким способом совершили переход в порт приписки — Одессу. Рабочие–ударники составляли значительную часть пассажиров этих показательных поездок в лагерь капитализма, а информационную поддержку обеспечивали группы советских журналистов и публицистов. О рейсах было издано несколько книг, маршрут путешествия освещался в печати. В честь поездки теплохода «Украина» был выпущен специальный нагрудный знак.

Описание путешествия Ивановой отличается профессиональная литературная обработка текста. Так, к примеру, встречу ударников с Горьким в Неаполе предваряет экспозиция образа его «двойника» — ударника Шилина, который «очень похож на фотографию Максима Горького — такая же черная шляпа, такие же усы». ¹² Именно ему поручают в день отъезда из Ленинграда прочитать коллективное письмо — прощание с ленинградскими рабочими. Несмотря на прогнозируемую предвзятость описания жизни буржуазных стран, повествователь находит для каждого города образы и

¹² *Иванова Л.* Первое путешествие. Л., 1932. С. 9.

детали, проявляет себя не только «ревизором», но и пытливым наблюдателем, впервые оказавшимся за границей.

Никаких биографических сведений об Ал. Орлове, включая расшифровку инициала, нам обнаружить не удалось. Его книга посвящена героическому процессу выполнения/перевыполнения плана, «закройке прорех и срывов», борьбе против вредительства — призыву к ударничеству и сознательности рабочего класса. В ней описана переломная эпоха в истории завода «Светлана»: в 1928 году было налажено производство продукции нового поколения — вакуумных и генераторных ламп. Старой продукции дана хлесткая образная характеристика: «Не будем больше маяться с микрушками, как мухи на липкой бумаге...».¹³ Производство кварцевых ламп мифологизируется. Характерным жанровым признаком этого произведения являются ссылки автора на реальные события и личное в них участие.

Следует отметить, что активные занятия группы заканчиваются весной 1931 года. Отчасти это может быть связано с частой ротацией состава редакции газеты «Светлана», на платформе которой и велись занятия. За весь 1932 год нет ни одного упоминания о существовании литгруппы.

Очевидно, литературная работа была прервана, что и было поставлено в вину редколлегии газеты 3 февраля 1933 года в статье «Организация литгруппы — дело комсомола». Вскоре литгруппу на заводе возобновят, но уже без участия Вагинова.

Этим событиям посвящен параграф 1.3. **«Светлана» и литература: без Вагинова.** Известно, что занятия с рабочими проводил близкий друг Вагинова писатель Леонид Ильич Борисов (1897–1972). Сохранилась фотография, датированная июнем 1934 года, на которой он изображен в группе 22 кружковцев. В разное время кружком руководили В. М. Саянов, В. К. Кетлинская, Н. И. Грудинина. Более тридцати светлановских поэтов было представлено в сборнике стихов «Моя Светлана» (Л., 1965), составленном Грудининой и вышедшем с ее предисловием. Еще один сборник стихотворений участников литобъединения вышел в 1989 году к столетию завода.¹⁴

В параграфе 1.4. **«Четыре поколения» (Нарвская застава)** рассматривается коллективный исторический труд авторов «Издательства писателей в Ленинграде». На титульном листе книги обозначен вклад каждого участника: Организатор книги С. Д. Спасский; Сбор материала, ред., композиция С. Д. Спасский, А. Г. Ульяновский; в сборе материала принимали участие Н. К. Чуковский и — К. К. Вагинов.

Однако задача, которая была поставлена авторами «Четырех поколений», гораздо шире исторического описания Путиловского завода. Почти двести информантов из числа рабочих Нарвской заставы более чем на пятистах страницах книги ведут рассказ об исходе из—под гнета и кабалы,

¹³ Орлов Ал. Светлановская повесть. С. 79.

¹⁴ Звонким голосом стиха. К 100-летию основания завода: Методическое пособие в помощь молодым самодеятельным литераторам объединения (из опыта работы литературного объединения «Светлана») / Предисл. В. Е. Петрова. <Л.,> 1989.

который произошел благодаря Революции. Начиная с первой главы «Захолустье», где описан безрадостный быт рабочих, лишенных денег, здоровья, губящих себя алкоголем, стремящихся к легкой воровской наживе, читатель погружается во все перипетии жизни рабочей окраины начала XX века: сквозь Первую мировую, сквозь гапоновщину, сквозь подпольные коммунистические организации и организации Черной сотни — к Октябрьской революции, Гражданской войне и, наконец, к мирной жизни, к строительству нового общества, к просвещению. Символично название одной из последних глав: «От Ликбеза к Дворцу Культуры».

Несмотря на то, что книга «Четыре поколения» не является в прямом смысле слова историей Путиловского завода, в ней реализованы все основные принципы создания «историй фабрик и заводов», указанные Горьким: установка на коллективную работу, привлечение высококвалифицированных литераторов, опросы старых рабочих, отражение прошлого в свете настоящего, описание быта рабочих и рабочего движения до революции и т. д. Однако поэтические принципы «Четырех» поколений» имеют генезис в разработанном в конце 1920-х годов жанре монтажных биографий и шире — в монтажных социолого-литературных работах, поэтика которых была теоретизирована ленинградским крылом формалистов.¹⁵

Следы присутствия Вагинова среди авторов коллективного исторического труда едва различимы. Мемуаристы часто вспоминают о скромном поведении Вагинова в компании литераторов в 1920-е годы, на журфиксах: он был незаметен в кулуарах, хотя был частым посетителем салонов, членом многих литературных объединений. В новых литературно-бытовых условиях Вагинов не изменяет себе. Не выделяясь внешне, он вбирает специфику нового письма, перенимая незнакомую писательскую технику, связанную с этнографической, социологической (в прямом приближении — металитературной) практикой. Записная книжка «Семечки» — то техническое средство, с помощью которого модернизируется поэтика прозы Вагинова в 1930-е годы. Работа на «Светлане» и за Нарвской заставой повлияла на образность его новых прозаических текстов, однако главным следствием «общественной нагрузки» становится появление записной книжки — медиатора поэтического мира «Гарпагонианы».

Анализу записной книжки посвящен второй раздел второй главы **«Семечки» Константина Вагинова.**

В параграфе 2.1. **Творческая лаборатория писателя начала 1930-х годов** дано историографическое описание записной книжки Вагинова.

Первоначально тетрадь предназначалась для занятий греческим языком: на первых 37-ми листах рукой Вагинова выписаны фрагменты из произведений Лонга, Аристенета, Алкея и ряда других авторов; далее следуют выписанные из текста греческие слова и их словарные значения, а

¹⁵ Аронсон М. И., Рейсер С. А. Литературные кружки и салоны. СПб., 2000. С. 9–10.

также литературные переводы текстов, выполненные не только Вагиновым, но и его учителем А. Н. Егуновым.

Собственно, тот текст, что мы называем записной книжкой, следует после греческих штудий с отступом в страницу, и начинается заглавием «Семечки (Зерна)». Записи вносятся в тетрадь с конца осени 1932 года. Мы не разделяем точку зрения Т. Л. Никольской и В. И. Эрля, публикаторов первых 10 листов тетради,¹⁶ которые считают, что в «Семечках» собран свод раннее сделанных записей. Мы находим множество следов спонтанной фиксации впечатлений, уличной речи стендовых объявлений.

По нашему мнению, ведение записной книжки связано с участием Вагинова в создании книги «Четыре поколения (Нарвская застава)». Для работы Вагинов предполагал на некоторое время буквально поселиться на рабочей окраине, записывать, выявлять, разговаривать и записывать на бумагу весьма дробный, часто несвязный (как это видно даже из представленного примера) поток воспоминаний информанта. Во ведении записной книжки «Семечки» Вагинов, как нам кажется, ищет реализацию полученного опыта «фактографии» уже на привычном для собственного идиостиля материале.

Помимо приведенного примера в «Семечках» присутствует большое количество записей, связанных с Нарвской заставой, Путиловским заводом, в том числе зафиксированных в форме прямой речи. Следует отнести эти записи к попутно полученным материалам в ходе составления «Четырех поколений». Жанр записной книжки, в условиях которого конечная эстетизация крайне проблематична, становится для Вагинова своего рода творческой лабораторией, действующей ареной поэтических штудий, на которой Вагинов изучает современный ему дискурс — занятие не менее важное и увлекательное, нежели переводы с древнегреческого.

Параграф 2.2. **Прагматика ведения записной книжки** включает в себя анализ «Семечек» как творческой лаборатории Вагинова 1930–х годов.

Эволюция литературных форм выражения человеческой психологии приходит к большей овнешненности и фрагментарности. В таком повествовании о повседневной жизни работают приемы остранения (по Шкловскому, психологизм «видится», а не «узнается») и парадокса (видимое несоответствие между реальным переживанием и его выражением). С помощью этих приемов возможно не только зафиксировать переживание, указать на него, но и вовлечь читателя в ситуацию сопереживания герою во время прочтения. Авторское сознание как объект описания выражен прагматически только в полном объеме текста. Описательные фрагменты, кусочки «разорванной литературной личности» Л. Я. Гинзбург (теоретика жанра записной книжки писателя), «внешние, не интроспективные наблюдения над социально–психологическим опытом обобщались в абстрагированных от конкретных биографий и ситуаций формулах».¹⁷

¹⁶ Вагинов К. К. Полное собрание сочинений в прозе. С. 500–513.

¹⁷ Савицкий С. А. Частный человек: Л. Я. Гинзбург в конце 1920–х — начале 1930–х годов. СПб., 2013. С. 45.

По нашему мнению, в «Семечках» Вагинов ставит эксперименты с риторическим уровнем повествования, находя дополнительные изобразительные возможности в зарождающемся коммуникативном каноне советского времени. Если в поисках образа героя современной эпохи Гинзбург выступает в роли социального антрополога от литературы, то Вагинова можно назвать социальным лингвистом, исследующим речь советского человека.

В «Семечках» зафиксирован готовый, но чуждый для Вагинова язык, который не подвергается семантическому или синтагматическому (пере-)структурированию. Однако Вагинов работает с прагматической стороной знака, высвечивая функциональный арсенал непрепарированной речи в ее письменной фиксации.

В «Семечках» не просто эстетизируется маргинальная действительность (что осуществлялось Вагиновым и в романах 1920-х годов). Вагинов обозначает авангардное отношение к языку маргиналии как к медиатору действительности. Происходит переключение регистра авангардного письма с китчевой культуры (условно мотивный и сюжетный уровень) на китчевое восприятие советской риторики. Метафора «чужой речи» становится осязаемой: в пределах «Семечек» создатель записной книжки сталкивается с непонятной, стилистически чуждой, но вместе с тем опознаваемой риторикой. Вагинов фактически сводит к абсурду бахтинское понимание диалога, формирующего романное высказывание: «<...> чужое слово не воспроизводится с новой интенцией, но воздействует, влияет и, так или иначе, определяет авторское слово, оставаясь само вне его». ¹⁸ Появляется возможность сместить авторское решение из сферы повествовательных конвенций: нарратив может разворачиваться по аналогии с дискурсивным творчеством каждого носителя языка, в момент говорения. Результат «прагматического» языкового эксперимента состоит в открытии дополнительных повествовательных возможностей, заключенных в контекстно-зависимом употреблении языка.

В завершающем разделе второй главы «Гарпагониана» **К. К. Вагинова: «скупость» авторского высказывания в романе начале 1930-х годов** подробно описан романский дискурс «Гарпагонианы», вобравший в себя следы прагматического языкового эксперимента, проведенного на страницах записной книжки.

Роман, безусловно, выделяется в творчестве автора КП как наиболее открытый общим тенденциям литературы своего времени, однако влияние официального литературного процесса принимается Вагиновым критически. Речь не идет об отступлении от присущих автору эстетических (авангардных) взглядов — это не конформистская уступка ради попадания романа в издательский портфель. Возможность взаимодействия с литературой готовящегося соцреализма с энтузиазмом воспринимается Вагиновым как

¹⁸ Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч. в 7 т. Т. 2. М., 2000. С. 92.

новая поэтическая задача, решение которой требует совершенствования (реактуализации) классической романной техники, релевантного эволюции личностных художественных принципов.

Так как первая редакция романа была возвращена Вагинову на доработку — издателями представлялось, что в «Гарпагониану» требуется внести социально-бытовую тематику — то следы второй неоконченной редакции можно рассматривать в качестве возможной для Вагинова тенденциозной поэтики 1930-х годов.

Редактируя роман с намерением «осоветизировать» текст, Вагинов привносит атрибуты современности, специфически (часто иронически) воспринимаемые в контексте образного ряда персонажей, сюжетной канвы. Однако главным атрибутивным признаком новых правок являются вкрапления в романное повествование отдельных фрагментов из записной книжки «Семечки», тех самых образчиков «прямой речи» советского человека, собирание которых может быть интерпретировано в контексте литературных исследований художественной риторики.

Помещенные в текст «Гарпагонианы», записи из «Семечек» не передаются в ведомство типичных повествовательных инстанций — Вагинов ищет пути прямой трансляции зафиксированных речевых практик, даже если цитируются не коммуникативные фрагменты, а только отдельные выписки из «словников». Речь идет не столько о содержании «цитат», сколько о прагматических их свойствах (выписаны из записной книжки — генетически правдоподобны), что эксплицируется в повествовательной структуре.

Так, отчетливая драматическая структура (композиционно выделенные реплики персонажей) дает цитатам из «Семечек» автономию от слов автора. Такого рода «непрепарированный» художественный дискурс при номинальном отсутствии (или «скудости») авторского высказывания напоминает орнаментальный сказ (Н. А. Кожевникова), однако нашедший свое выражение не только в собственной речи героев, но и ставший конструктивным принципом дискурса романа.

В целиком принадлежащей ко второй редакции романа главе «Гроза» нарратив уподобляется структуре записной книжки. Отдельные «разговоры» дополняются лишь короткими указаниями на место их «записи», они фрагментарны и самоцельны, связывающий или обуславливающий их появление сюжет, кажется, прекращается, как только гроза окончательно унялась. Из-под навеса реплики перемещают нас «на дорожку у пруда», «на дорожку у фонтана», на «дорожку у позолоченной статуи»... Не все предложенные микродиалоги могут быть найдены в «Семечках» — важно структурное соответствие двух гетеродискурсивных текстов, влияние записной книжки на роман. Расширение хронотопа (разговаривающие персонажи разбредаются по парку), по нашему мнению, свидетельствует о возможностях такого повествования транслировать «типичные обстоятельства», служить основанием для новой конвенции реалистического письма.

В **Заключении** подводятся итоги проделанной работы, обобщаются результаты и предлагаются перспективы диссертационного исследования

В первом приложении **«Поэтика заглавия романа «Труды и дни Свистонова»** речь идет о возможной неожиданной интерпретации заглавия романа, на первый взгляд представляющее античную цитату (Труды и дни), которая звучит иронически за счет соположения с фамилией главного героя. Однако за значимым для эстетики романа, но все же первым уровнем восприятия, следует второй — по нашему мнению, заглавие содержит жанровый код монтажных биографий.

Во втором приложении **«Вот и палец можно истолковать по Фрейду»:** прагматика интертекста в романе К. К. Вагинова «Козлиная песнь» совершается попытка определить функцию внелитературных цитат в романах Вагинова на примере аллюзий к психоанализу и прямых упоминаний имени Фрейда.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованный ВАК:

1. **Бреслер, Д. М.** «Вот и палец можно истолковать по Фрейду»: прагматика интертекста в романе К. К. Вагинова «Козлиная песнь» [Текст] / Д. М. Бреслер // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия «Филология». — 2014. — № 3. — Т. 1. — С. 46–55. [0.6]
2. **Бреслер, Д. М.** «Козлиная песнь» К. К. Вагинова: поэтика дефинитивного текста [Текст] / Д. М. Бреслер // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 11 (41) — Ч. I. — С. 37–40. [0.25]
3. **Бреслер, Д. М., Дмитренко, А. Л.** Константин Вагинов в диалоге с пролетариатом (литкружок завода "Светлана" и работа над историей Нарвской заставы) [Текст] / Д. М. Бреслер. С. 212–222, 230–232; А. Л. Дмитренко. С. 223–229, 233–234 // Русская литература. — 2013. — №4. — с. 212–234. [2.0]

Другие публикации:

4. **Бреслер, Д. М.** Роман К. К. Вагинова «Труды и дни Свистонова»: поэтика заглавия [Текст] / Д. М. Бреслер // Восьмая международная летняя школа по русской литературе: Статьи и материалы. — СПб.: Свое издательство, 2012. — С. 146–157. [0.5]
5. **Бреслер, Д. М.** Конст. Вагинов vs. "распадающийся ежеминутно мир": бороться с клише его же средствами [Текст] / Д. М. Бреслер // Транслит. — 2012. — № 12. — С. 35–41. [0.85]
6. **Бреслер, Д. М.** «Фьютс культура»: к проблеме интертекста «Заката Европы» в романах К. Вагинова [Текст] / Д. М. Бреслер // Статьи и материалы IX международной летней школы по русской литературе / Под ред. А. Кобринского. — СПб.: Издательско-полиграфический центр СПбГУТД, 2013. — С.115–127. [0.7]
7. **Бреслер, Д. М., Дмитренко, А. Л.** Когда на Светлану пришли писатели [Текст] / Д. М. Бреслер. С. 10; А. Л. Дмитренко. С. 11 // Светлана: Газета акционерного общества «Светлана». — 2013. — № 5–6 (5210–5211). — 20 июня. — С. 10–11. [0.2]
8. **Бреслер, Д. М.** «Датский мой собрат»: Бергстедт и советское искусство 20–х гг. [Текст] / Д. М. Бреслер // Литературный процесс в России от эпохи модерна к эпохе авангарда: Новые материалы. Исследования поэтики / под ред. Н. А. Гуськова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. — С. 55–66. [0.7]
9. **Бреслер, Д. М., Дмитренко, А. Л.** Бросать живительные "семечки": прагматика вторичного использования словесного сырья в записной книжке Вагинова [Текст] / Д. М. Бреслер. С. 31–38; А.Л. Дмитренко. С. 29–30 // Транслит. — 2014. — № 14. — С. 29–38. [0.8]
10. **Бреслер, Д. М.** "Семечки" К. К. Вагинова: творческая лаборатория писателя начала 1930–х годов [Текст] / Д. М. Бреслер // Русская филология: сб. науч. тр. молодых филологов / Тартуский ун-т. — Тарту, 2014. — № 25. — с. 224–234. [0.5]
11. **Бреслер, Д. М.** С. Савицкий Частный человек. Л. Я. Гинзбург в конце 1920–х — начале 1930–х годов. СПб., 2013 [Рец.] / Д. М. Бреслер // Die Welt der Slaven. — 2014. — LIX. — P. 388–392. [0.35]